ЧЕМУ БЫТЬ, ТОГО НЕ МИНОВАТЬ

2 шк
ч

ПОПУЛЯРНЫЙ РАЗСКАЗЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО И СТАРШАГО ВОЗРАСТОВЪ

ИЗДАНІЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ЗДРАВЫХЪ ИДЕЙ

ЦѢНА 25 КОП.

Музей Революц
С. С. С. Р.
К. п. № 1454 Инв. №
Шифр

МОСКВА

ПЕЧАТАНО ВЪ ВОЛЬНОЙ МОСКОВСКОЙ ТИПОГРАФІИ

1883

БИБЛИ
КОММУНИ
АКАДЕ

ЧЕМУ БЫТЬ, ТОГО НЕ МИНОВАТЬ

Популярный разсказъ для дѣтей средняго и старшаго возрастовъ.

Жилъ былъ у бабушки сѣренькій козликъ, бабушка этого козлика очень любила; когда ему вздумалось въ лѣсъ погулять — его тамъ съѣли волки, оставивъ бабушкѣ рожки да ножки.

Я очень люблю пѣніе и почти постоянно заставлялъ мою дочку, дѣвочку 9-ти лѣтъ, пѣть эту пѣсню. Благо у нея порядочный голосъ и къ тому при отличныхъ способностяхъ.

Разъ на половинѣ пѣнія она остановилась съ вопросомъ:

— А что же бабушка сдѣлала волкамъ?

— Признаться сказать, исторія собственно по этому предмету никакихъ свѣденій не оставила, тетка же Анисія передаетъ разсказъ стариковъ, что бабушка куда какъ принялась богу молиться, да приговаривать „чему быть, того не миновать“. Авось у волковъ вмѣсто клыковъ жвачные зубы сдѣлаются, а для драки рога пожалуй отростутъ, такъ что если и прійдется имъ напасть на козликовъ, то ну много если другъ друга подыбаютъ развѣ.

— Ото баба дурная, убила бы ихъ, а не то, еслибъ въ силахъ была, ну привязала бы — пусть ихъ живутъ, когда козламъ не мѣшаютъ.

Все приговаривая „чему быть, того не миновать“

умница дочка! Идея все та же, слабыхъ козловъ отъ хищныхъ волковъ оградить, а средства другіе.

Да, въ сознаніи выбора качества средствъ дѣйствительно кроется сила, мощь; ваше же „чему быть, того не миновать“ является вѣрнѣйшимъ слугою всякаго средства, всякаго пути, съ которымъ вы, между прочимъ, рука объ руку всходите на зенитъ вашего блаженства или весь вѣкъ хнычете, какъ та бабушка.

Извините теперь, любезный читатель, если я немного отклонюсь отъ начатаго повѣствованія. У меня въ головѣ, ну какъ червь, егозитъ вопросъ: дѣйствительно ли въ настоящее время существуетъ въ Россіи противуправительственная, такъ называемая соціально-революціонная партія и непремѣнно русская?

Насколько мнѣ извѣстно, причисляемые къ этой партіи: Вѣра Засуличъ стрѣляетъ въ Трепова почему? — потому что Треповъ превысилъ власть, оказалъ насиліе надъ политическимъ арестантомъ—Боголюбовымъ. Революціонеры Казанской площади въ С.-Петербургѣ 1876 г. ссылаются десятками въ Сибирь на каторгу и заключаются по тюрьмамъ за что? — за провозглашеніе девиза „Земля и Воля“. Перовская, Желябовъ, Кибальчичъ и другіе лишаются жизни у позорнаго столба висѣлицы ради чего? — ради провозглашенія и стремленія къ идеѣ „Свобода и Равенство“.

Неужели возмущаться насиліемъ надъ ближнимъ, желать равноправнаго обладанія землею и волею и наконецъ развить въ себѣ идею свободы и равенства до презранія собственной жизнью внѣ этой свободы и равенства можетъ только русская нація?

Я какъ русскій охотно приписалъ бы это ей, еслибы 18-ть вѣковъ тому назадъ Спаситель нашъ Іисусъ не показалъ того же.

Онъ первый подмѣтилъ въ природѣ человѣка инстинктивное стремленіе къ свободѣ и равенству; онъ первый своею божественно-возвышенною душою понялъ, что то счастіе, то блаженство, тотъ рай небесный, къ которому стремятся люди, доступенъ человѣческой природѣ только при условіи общей свободы и равенства и онъ первый своимъ божественнымъ геніемъ поставилъ и ввелъ въ жизнь девизъ: „любите ближняго, какъ самаго себя“. Выведя насущное стремленіе человѣческой природы изъ области инстинкта въ область разума, онъ своею страдальческою смертью первый показалъ міру, что сердце, разъ уразумѣвшее свою природу, долѣе не можетъ оставаться внѣ удовлетворенія. Общее братство, общее равенство, общая свобода — вотъ жизненный девизъ развившагося сердца! Это, какъ видите, Іисусова религія, основанная не на племенныхъ преимуществахъ, а на человѣческой природѣ, на чувствахъ сердца.

Возвращаюсь снова къ начатому повѣствованію. Оно можетъ быть и не нужно было бы, утомитъ только читателя, но, позвольте, я хорошо знаю, что этотъ разсказъ спльно займетъ дѣтокъ разнаго возраста. Наткнется въ этой брошюрѣ какой нибудь карапузъ изъ категоріи титулярныхъ, тайныхъ, надворныхъ и разныхъ совѣтниковъ на мѣсто не совсѣмъ ясно обобщенной мысли, смотрите какъ ракъ покраснѣетъ и пойдетъ тычпть въ нее своимъ замусленнымъ грязнымъ пальчонкомъ, пока дыру не прорветъ, обобщая такъ мысль, какъ будетъ ему выгоднѣе понять. Вотъ этого я не хотѣлъ бы и поэтому возвращаюсь къ начатому разсказу, къ нашей бабушкѣ съ козликомъ.

Пріученный нашимъ дѣдушкой Крыловымъ къ аллегоріямъ, у меня невольно является мысль провести и здѣсь аналогію съ людьми, съ обществомъ. Что люд

съ хищническими волчьими инстинктами есть, объ этомъ и говорить нечего — куда не повернись, вездѣ ихъ встрѣтите; встрѣтите и барановъ, козловъ, жалкая, чисто животная жизнь которыхъ покупается ими цѣною самой ихъ жизни. Гдѣ хищники, тамъ и хищимые, гдѣ хищимые тамъ и хищники. Но вотъ между этими людьми-волками, людьми-баранами, между этими животно-человѣческими, если не совсѣмъ животными, нравственными элементами я останавливаюсь на бабушкѣ, представительницѣ „элемента чисто человѣческаго."

Тетка Аписія свидѣтельствуетъ, что она, бабушка, „куда какъ стала богу молиться". Жаль козликовъ ей, сердце ея сжимается оттого, что волки дерутъ ихъ и она идетъ къ нимъ съ чѣмъ можетъ на помощь — молитву творитъ и этимъ сердце свое успокоиваетъ. И, повѣрьте, ей все равно, волки ли козлами или козлы бы были волками, лишь бы слабыхъ козликовъ не обижали сильные волки. Правда, она выбрала глупый, безполезный путь — слабымъ козламъ-баранамъ отъ ея молитвъ легче не станетъ, но ей сердце свое нужно успокоить. Да другого пути, повѣрьте, она и не знаетъ. Въ горѣ, во всякомъ несчастіи такъ дѣды творили и ей наказали.

Другое дѣло вотъ дочка моя, шаловливый, рѣзвый ребенокъ. Молитвъ она еще не знаетъ ни одной, въ традиціяхъ отцовъ, да въ общественно практикуемыхъ приличіяхъ пока еще не додрессирована до того, чтобъ крѣпко ихъ держаться и примѣнять къ тому что можно, а чего нельзя; что же касается до законовъ, до правъ, до римскихъ правъ, то о нихъ и мысль въ головѣ ея не промелькала; вотъ она прямо къ цѣли идетъ, выводитъ прямо, чисто конкретное заключеніе изъ тѣхъ данныхъ, какіе даетъ ей природа: бѣдныхъ козловъ обижаютъ лютые волки, „убила бы ихъ, а не

то, еслибъ въ силахъ была, ну привязала бы — пусть ихъ живутъ, когда козламъ не мѣшаютъ.

Что здѣсь знаменательно — это то, что какъ бабушка, такъ и дѣвочка сразу становятся на сторону козловъ, слабыхъ козляковъ, которыхъ безпричинно обижаютъ лютые волки и, какъ видите, какъ бабушкѣ, такъ и дочкѣ, имъ все равно, лютые ли волки будутъ парализированы до нравовъ козляковъ или козлы будутъ волками, лишь бы слабыхъ не обижали сильные. Я же съ своей стороны позволяю утверждать, что это происходитъ не потому, что имъ дѣйствительно жаль бѣдныхъ козляковъ, а потому, что представляемая картина страданія слабыхъ козловъ отъ лютыхъ волковъ имъ, т. е. бабушкѣ и дочкѣ, дѣлаетъ непріятное ощущеніе, которое происходитъ отъ того, что впечатлительное ихъ сердце, видя страданіе слабаго, само входитъ въ положеніе слабаго и само начинаетъ страдать и вотъ они принимаютъ мѣры, какія знаютъ, чтобъ только успокоить собственное свое сердце. — Провѣрьте впрочемъ сами свои ощущенія: идетъ завѣдомо вамъ слѣпой по извѣстной имъ же избитой тропинкѣ, сбился съ пути и вотъ шагъ, два и въ ровъ упадетъ — что дѣлаете вы? Навѣрное подымите крикъ и именно съ тою цѣлью, чтобъ предупредить слѣпаго. Вотъ ребенокъ оскользнулся, въ воду упалъ и тонетъ уже. Боже, какой шумъ вы подняли и пожалуй сами уже бросились его спасать. А попробуйте этого не сдѣлать! Тогда, если вы не баранъ, не съ отупѣвшими чувствами до непониманія всего васъ окружающаго, а на крайній конецъ вы чорствый эгоистъ, то и тогда вы начнете хотя подъ носъ себѣ бормотать: „не могъ же я при тѣхъ условіяхъ броситься прямо въ воду; нужно раздѣться было, а тутъ, какъ на грѣхъ, племянница семіюродной тети его превосходительства, безшабашнаго совѣтника Дыбы, съ ко-

торымъ за границею я имѣлъ удовольствіе познакомиться, упала въ обморокъ, нужно и ей было помочь, да наконецъ по закону не обязанъ же я непремѣнно спасать утопающихъ.“ И замѣтьте, этого вы никому не говорите, объясненій отъ васъ никто и не спрашиваетъ, а вы только сами себѣ это шепчете, а почему? Дайте на ухо скажу вамъ — сердце свое успокоить вамъ надо.

Все, что я здѣсь сказалъ, я говорилъ для того, чтобъ доубѣдить, что если мы страдаемъ тогда, когда видимъ или представляемъ себѣ страданіе ближняго, слабаго, то это происходитъ не *прямо* потому, что мы его любимъ, какъ самаго себя, а потому, что впечатлительное наше сердце *по человѣческой своей природѣ*, входя въ страданія ближняго, само начинаетъ страдать и тѣмъ дѣлать непріятное намъ ощущеніе, отъ котораго, чтобъ избавиться, мы принимаемъ всѣ мѣры, какія намъ извѣстны, лишь бы сердце свое успокоить. Если въ этомъ, здѣсь высказанномъ, я не то что доубѣдилъ васъ, а далъ хотя инпціативу мысли думать въ этомъ направленіи, то я сдѣлалъ то, что хотѣлъ.

Теперь возвращаюсь къ тому, что уже лично меня интересуетъ.

Соціалъ-революціонерной партіи русской нѣтъ. Требованіе свободы и равенства безъ примѣси какихъ бы то ни было еще другихъ задачъ, какъ вытекающее изъ ясности уразумѣнія природы своего сердца, принадлежитъ каждому человѣку въ отдѣльности и всѣмъ вмѣстѣ. Партіею же вообще она можетъ назваться сегодня, какъ тѣ ранніе плоды, которые созрѣли сегодня съ тѣмъ, что завтра ихъ созрѣетъ болѣе, а послѣ завтра всѣ.

Правда, неблагопріятныя условія могутъ пріостановить это созрѣваніе и совсѣмъ его не дать, но съ тѣмъ,

чтобъ съ слѣдующаго новаго года пошла та же процедура.

То что составляетъ самую природу, то истинно и вѣчно.

Правда, человѣку трудно сознать истину, какъ бы она впослѣдствіи не казалась простою, но разъ онъ доразвился до ея пониманія — она непремѣнно будетъ его. 18 вѣковъ тому назадъ Спаситель нашъ провозгласилъ истину природы человѣческаго сердца, 18 вѣковъ мы уже знали эту истину — не смотря на это 18 вѣковъ намъ нужно было, чтобы уразумѣть ее! Пересматривая исторію за всѣ 18 вѣковъ, мы много встрѣтимъ фактовъ самоотверженія не только во имя царя и отечества, во имя своего народа, отца, брата, семьи и, даже въ минуту несчастія съ ближнимъ, во имя неизвѣстнаго; но мы не встрѣтимъ ни одного Каракозова до Каракозова, ни одной Засуличъ, Перовской, Желябова. Прежде эти люди, подъ гнетомъ страданія впечатлительнаго ихъ сердца, при неясномъ пониманіи причинъ этого страданія, оставались всю жизнь, такъ сказать, хныкающими, живыми мертвецами, или лишали себя жизни; теперь они, индиферентные къ своей жизни, пытаются устранить тѣ причины, которыя заставили ихъ предать анафемѣ самую жизнь — они идутъ прямо къ цѣли, жизнь на жизнь. Каракозовъ не сообщилъ даже самымъ ближайшимъ своимъ друзьямъ того, что онъ идетъ убить царя, какъ представителя деспотизма, насилія. Что же удивительнаго, если такіе люди передъ лицомъ смертной казни хладнокровны, спокойны? Жизнь ихъ внѣ общей свободы и равенства не мыслима, сердце жить имъ не даетъ.

Да, XIX вѣкъ, вѣкъ громаднѣйшаго прогресса человѣческихъ идей природы, будетъ увѣнчанъ великимъ ореоломъ и самый большой, самый блестящій перлъ

этого ореола — будутъ Каракозовъ, Соловьевъ, Засуличъ, Перовская, Кибальчичъ, какъ предвѣстники того, что дѣйствительный смыслъ идей, провозглашенныхъ Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, сдѣлался фактическимъ достояніемъ людей.

Теперь желательно было бы выяснить, почему эти люди, стремленія которыхъ не то что чисто человѣческія, а требуемыя самою природою ихъ существа, являются дѣятелями противоправительственными — т. е. противные тому учрежденію, которое должно представлять изъ себя охрану интересовъ націи какъ націи и стремленія прогресса человѣческой природы, идей какъ націи людей? Предварительно выясненія этого я остановливаюсь вотъ на чемъ:

Въ природѣ человѣческаго сердца есть два элемента совершенно противоположныхъ, противныхъ другъ другу стремленій, называемыхъ на обыденномъ языкѣ эгоизмомъ и гуманностью. Въ людяхъ съ слабою энергіею эти элементы, проявляясь въ волѣ мало характеристичны, совсѣмъ незамѣтны, какъ вообще въ людяхъ апатичныхъ незамѣтно все человѣческое, исключая только ихъ чисто животнаго существованія; въ индивидуумахъ же съ большею энергіею эти элементы вѣчно борятся, большею частію держатся въ равновѣсіи, при благопріятныхъ же условіяхъ для одного или другого берутъ верхъ одинъ надъ другимъ и затѣмъ прямо пропорціонально благопріятности условій развивается одинъ насчетъ другого. — Можетъ ли одинъ элементъ совсѣмъ вытѣснить другой — этого утверждать нельзя. Идею Спасителя мы доразвились понимать до сознанія его девиза „любите ближняго какъ самаго себя.“ Это сознаніе начало требовать отъ насъ стремленія къ общей свободѣ и равенству до презиранія жизнью внѣ этой свободы и равенства, но въ этомъ стремленіи къ

къ общей свободѣ и равенству, какъ сути существа природы нашего сердца чувствуется нѣкая доля эгоизма. Какой же смыслъ заключается въ другомъ девизѣ Спасителя, девизѣ смиренія „если тебя ударятъ въ одну ланиту, подставь другую," мы не только до сознанія, но и пониманія его возможности еще не доразвились — онъ намъ кажется болѣе чѣмъ страннымъ, смѣшнымъ и понять въ немъ такой же, можетъ быть, жгучій смыслъ, какой въ девизѣ любви къ ближнему мы, должно быть, поймемъ, но навѣрное только тогда, когда фаза общаго равенства и свободы сдѣлается не только общимъ достояніемъ всѣхъ и каждаго, но перейдетъ въ плоть и кровь каждаго. — Съ другой стороны чудовищные размѣры развитія хотя намъ и оставила исторія въ лицахъ Нерона, Калигулы и десятка, сотни другихъ вмѣстѣ со святыми отцами іезуитами и ихъ инквизиціею, но и тамъ мы встрѣчаемъ проблески гуманности. Что же можно положительно утверждать, такъ это то, что если одинъ изъ этихъ двухъ элементовъ разъ взялъ преимущество надъ другимъ, то онъ останется уже навсегда преобладающимъ. Іуда предаетъ Спасителя, но, какъ свидѣтельствуетъ преданіе, на другой день лишаетъ себя жизни. Неронъ, Калигула, Іоаннъ Грозный плачутся, предаются раскаянію свои жестокости, но затѣмъ черезъчасъ, два эти жестокости увеличиваютъ вдвое.

Человѣкъ одновременно можетъ быть врачемъ и поэтомъ, сапожникомъ и философомъ, утромъ адвокатомъ — вечеромъ скрипачемъ — это дѣло знаній, призваній, профессій, но чтобы быть эгоистомъ или гуманнымъ — нужно воспитаться въ эгоизмѣ или гуманности. Полагать, что эгоистъ можетъ быть гуманнымъ или гуманный эгоистомъ — это нужно быть бабушкой и вѣрить, что волки могутъ сдѣлаться ягнятами.

Послѣ всего сказаннаго дѣлается яснымъ то, что если цѣлямъ правительства противны стремленія соціалъ-революціонера, то это правительство совсѣмъ не правительство, а просто эгоистическая партія, находящаяся подъ ореоломъ правительственнаго покрова, когда-то освященнаго предками и затѣмъ переходящаго традиціями отцовъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Партія эта если и защищаетъ интересы націи, то настолько, насколько это въ интересахъ личныхъ, ея эгоистическихъ цѣлей; затѣмъ, воображая, что вся тайна искусства правоправить обществомъ заключается въ томъ, чтобъ вездѣ было „тишь и гладь да божья благодать," она считаетъ себя дѣйствующей подлинно *патріотически*, когда предупреждаетъ всякое народное движеніе и кровопролитіе случайное, смутное, безпорядочное, чиннымъ и порядочнымъ смертоубійствомъ юридическимъ. Мало заботясь о развивающейся нравственной природѣ націи и скорѣе изъ за своего эгоизма видя въ этомъ развитіи посягательство на стѣсненіе своихъ волчьихъ инстинктовъ, расшатыванія основъ, предками освященныхъ, она объявляетъ войну всякому начинанію, не думая того, что можетъ задѣть, попрать такую идею, которой суждено восторжествовать. Смерть Іисуса есть одинъ изъ тысячи образчиковъ примѣненія этой политики къ дѣлу.—Партія эта тѣмъ болѣе ужасна, что она, сильная подъ покровомъ правительственнаго ореола, свободно удовлетворяетъ свои хищническіе инстинкты и вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь въ благопріятныхъ условіяхъ къ развитію эгоизма, постоянно все болѣе и болѣе изъ рода въ родъ воспитывается въ немъ.

Освободятся ли народы изъ подъ ига этой партіи —вотъ вопросъ? Вотъ трагическое гамлетовское to by os not to by. Нѣтъ, мало нужно быть человѣкомъ, мало вѣрить въ святость истины природы, чтобы хотя

на одну минуту сомнѣваться въ освобожденіи! Но скоро ли оно?

Прежде къ освобожденію мы знали одинъ только путь: правительство коснѣетъ въ эгоизмѣ, нація развивается и молчитъ.—Искра и все въ пламени, все обагряно кровью. Но народъ не подготовленный къ самоуправленію подпадаетъ опять подъ вліяніе партіи эгоистовъ, хотя уже болѣе сдержанныхъ. И такъ рядомъ тысячныхъ жертвъ обмѣнивается необузданная кровожадность Нерона на пресловутую Прусско-Германскую конституцію, съ ея Бисмаркомъ и германизаціею всего и вся, на англійскую съ ея аристократіею и Ирландцами и наконецъ въ концѣ концовъ достигается общая свобода, равноправіе — достигается республика.

Путь этотъ долгій и какъ будто сомнительный. Народъ придавленный, приниженный эгоизмомъ правительственной партіи если и подымается, то тогда, когда положеніе его доведено до невозможности существованія. Нравственныя цѣли его не ясны, сбивчивы то примѣсью сословныхъ задачъ, преимуществъ, то хитростями партіи эгоистовъ, то голоднымъ желудкомъ, все затмѣвающимъ.

Но вотъ появляется Каракозовъ. Ему нѣтъ дѣла до какихъ бы то ни было задачъ сословныхъ, племенныхъ: ему нѣтъ дѣла до желудка; онъ знаетъ одно только свое невыносимо-страдающее сердце. Онъ выискиваетъ средства успокоить его. Онъ присматривается ко всему окружающему. Ужасно сильная правительственная партія глуха и деспотична. Легальный, какой бы то ни было, путь немыслимъ и вотъ онъ останавливается на револьверѣ изъ за угла и одинъ на одинъ. Это, какъ видите, не случайность. Это глубокое сознаніе независимости отъ насъ стремленія удовлетворить требованіямъ развившейся своей человѣческой природы и сознательный вы-

боръ средства. Примѣру его слѣдуютъ десятки другихъ и разъ ставъ на такую почву, это будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока правительственная партія будетъ защищаться своими сепаративными, въ защиту собственно для себя созданными законами, судами: военными въ мирное время и для мирныхъ гражданъ и, *лично своего усмотрѣнія*, административными.

Пока эта партія не съумѣетъ отречься отъ всего въ защиту себѣ созданнаго; пока она не подчинитъ себя и провинившагося противъ нея гражданина суду народному, для всѣхъ равному; пока она будетъ держаться для защиты себя хотя одного закона, имѣющаго по понятіямъ гражданъ, характеръ насилія — до тѣхъ поръ динамитъ и револьверъ изъ за угла и жертвы, болѣе выдающихся дѣятелей этой партіи, будутъ имѣть мѣсто. — Несчастная, но энергично вступившая теперь на этотъ фазъ борьбы, Россія даетъ намъ этому яркіе примѣры въ лицахъ Мезенцева, Крапоткина, Стрѣльникова и даже самаго царя.

Это другой путь къ достиженію общей міровой свободы и равенства и въ этомъ пути чувствуется болѣе вѣроятія, большая цѣлесообразность. Идя прямо къ цѣли, вы предупреждаете массовыя кровопролитія тысячныхъ жертвъ; становясь лицомъ къ лицу съ эгоистическою партіею, у ней отымается подставная защита— солдаты и она, оставаясь съ однимъ только эгоизмомъ, съ этимъ вѣрнымъ слугою и единственнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ, но въ настоящемъ случаѣ и спасителемъ ея, дѣлается сговорчивою, если не совсѣмъ пожертвовать своимъ вѣрнымъ слугою — эгоизмомъ, то обуздать его.

Появленіе Каракозовыхъ, какъ представителей того, что *любовь*, завѣщанная намъ Спасителемъ нашимъ, Іисусомъ Христомъ есть уже сознательное достояніе

народа, даютъ намъ реальную *вѣру и надежду* въ томъ, что освобожденіе народовъ изъ подъ ига эгоизма должно осуществиться не въ далекомъ будущемъ Съ первымъ появленіемъ этихъ людей можно утверждать, что первая половина акта освобожденія *„свобода слова и мысли“* ждетъ только скрѣпы партіею правительственною и народа. Затѣмъ эгоизмъ, обузданный свободою слова и мысли и вмѣстѣ съ этимъ лишенный имѣть мѣсто насилію, достиженію полной человѣческой свободы и равенства не мѣшаетъ. Онѣ тогда достигаются безъ кровавыхъ жертвъ, путемъ усвоиванія самою жизнью принциповъ свободы и равенства, къ которымъ такъ сильно стремится теперь все человѣчество.

Да, XIX вѣкъ, великій вѣкъ! Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, выведя насущное стремленіе человѣческой природы изъ области инстинкта въ область разума, далъ намъ этимъ религію, но въ мірѣ фантазіи. XIX вѣку выпало на долю эту религію изъ міра фантазіи ввесть въ міръ дѣйствительной реальной жизни.

Покорно просимъ брошюру эту прочитавъ сейчасъ же запечатать въ конвертъ и бросить въ почтовый ящикъ, заадресовавъ по какому вамъ вздумается адресу или передать ее по начальству, или просто бросить на улицѣ, но ни въ какомъ случаѣ не держать и дня у себя — зачѣмъ рисковать, по меньшей мѣрѣ попасть подъ надзоръ полиціи.

Если вы къ ней сочувственны и желаете распространенія, то вышлите адресы тѣхъ лицъ, которыхъ желательно снабдить и деньги съ расчетомъ по 25 коп. за каждую. Письма адресуйте сперва или на имя кого либо изъ своихъ знакомыхъ за границею, или на имя какого либо и въ какомъ бы то ни было городѣ за границею книжнаго магазина, извѣстной какой либо фабрики, банкирской конторы, положивъ въ этотъ конвертъ другой заадрессованный.